

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.15>

Фаезова Ландыш Робертовна

[Художественная репрезентация мотива странничества в прозе М. Юныса](#)

В статье рассматриваются механизмы репрезентации мотива странничества в прозе М. Юныса. Выбирая странничество как коммуникативную стратегию, М. Юныс последовательно реабилитирует традицию национальной идентичности. Его странничество, характеризующееся в светском понимании как уход из империи, актуализирует альтернативную традицию протеста в условиях идеологического дискурса советского периода. Реализуя мотив странничества, автор осуществляет главную идею своего творчества - жертвенную любовь к родному народу, продолжая традицию, которая восходит к татарской литературе начала XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/1/15.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 71-75. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

The Chuvash Women's Prose in the Context of Modern Literature

Nikiforova Vera Vital'evna, Ph. D. in Philology
Chuvash State Institute of Humanities
vera.nikiforova@yandex.ru

Women's prose as a phenomenon of modern literature began to assert itself at the beginning of the 1990s under the influence of social changes. This research area has not been previously investigated in the Chuvash humanities. The content of the concept is considered from the viewpoint of the Chuvash literary criticism. The paper focuses on analysing this phenomenon and describing its peculiarities in the context of the modern Chuvash literature. The findings have allowed the author to conclude that the Chuvash women's prose plays a significant role in the modern literary process.

Key words and phrases: Chuvash literature; modern literature; women's prose; authoresses; psychologism; motive; theme; technique.

УДК 821.512.145

Дата поступления рукописи: 28.08.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.15>

В статье рассматриваются механизмы репрезентации мотива странничества в прозе М. Юныса. Выбирая странничество как коммуникативную стратегию, М. Юныс последовательно реабилитирует традицию национальной идентичности. Его странничество, характеризующееся в светском понимании как уход из империи, актуализирует альтернативную традицию протеста в условиях идеологического дискурса советского периода. Реализуя мотив странничества, автор осуществляет главную идею своего творчества – жертвенную любовь к родному народу, продолжая традицию, которая восходит к татарской литературе начала XX века.

Ключевые слова и фразы: М. Юныс; мотив странничества; мессианский мотив; эсхатологический миф; татарская литература; национальная ментальность.

Фазезова Ландыш Робертовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
abudarova80@mail.ru

Художественная репрезентация мотива странничества в прозе М. Юныса

Статья написана и опубликована при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 18-412-160016 p/a.

Национальная ментальность и национальный характер как ее составляющая в качестве предмета изучения литературоведения относятся к числу приоритетных и актуальных проблем современной гуманитарной науки. По мнению многих исследователей [4; 8; 9; 11], художественная литература наиболее целостно и в деталях воплощает национальную ментальность, что позволяет определить генезис, динамику и механизмы ее становления. Например, как утверждает специалист по имагологии Е. В. Папилова, «художественная имагология обладает достоверностью иного рода: литература при всей ее условности способна полно-кровоно, живо воссоздать атмосферу человеческих отношений, менталитет, характеры, речь, стереотипы обыденного сознания, сформированные в той или иной национальной или социальной среде» [8].

Актуальность нашего исследования обусловлена интересом современной гуманитарной науки к проблемам самоидентификации в художественной литературе XX столетия и способам его воплощения, а также необходимостью рассмотрения мотива странничества в произведениях татарской литературы советского периода на примере творчества М. Юныса. Заявленный в названии статьи мотив странничества и его репрезентация в творчестве М. Юныса ранее не исследовались ни современниками, ни нынешними литературоведами, что и определяет **научную новизну** статьи.

Своеобразная репрезентация национального характера в прозе татарского писателя-мариниста М. Юныса позволяет рассмотреть его в двух аспектах. Во-первых, главный герой многих его произведений, единый сквозной образ Габдрахмана Рахманкулова, наиболее приближенный к личности автора и являющийся его alter ego, транслирует страннический тип мироповедения человека, одновременно реализуя личные искания самого автора. Во-вторых, этот же образ в процессе рецепции не только раскрывает образ «другого», но и характеризует образ «своего». В данной статье мы преимущественно рассматриваем первый из них, поскольку странническое мироповедение самого автора, выраженное мотивом странничества, позволяет проникнуть нам в глубинные структуры самого текста, расширяя границы интерпретации и анализа на предмет национального характера.

Мотив странничества, широко распространившийся в русской литературе дореволюционного периода, изучен достаточно глубоко, и доказано, что феномен странничества в культурологическом плане является традицией русской культуры. По мнению Е. В. Фаленковой, «феномен странничества является неотъемлемым компонентом русской культуры. Он сложился в русле христианской православной традиции. Его понимание прошло определенную эволюцию. Изначально странничество определялось в рамках религиозной традиции.

К середине XIX века, в связи с интенсивными духовными поисками в русском обществе, трактовка этого явления приобрела светский характер. К началу XX в. феномен странничества получил философское осмысление, что нашло отражение в трудах крупных представителей русской философской мысли кон. XIX – первой половины XX в.» [12].

В татарской литературе мотив странничества как феномен недостаточно изучен, и **цель** нашей работы – описать характер странничества и определить его специфику на материале творчества М. Юныса; **ключевой задачей** становится осмысление мотива странничества и его роли в прозе татарского автора. **Практическая значимость** исследования состоит в том, что его материалы, наблюдения и конкретные выводы могут стать основой как для дальнейшего изучения феномена странничества на материале других национальных литератур, так и творчества М. Юныса.

Подчеркнем, что репрезентация страннической традиции в татарской культуре в целом обусловлена рядом причин:

- во-первых, практической стороной жизнедеятельности народа. В ранний период – это великий шелковый путь, позже – дипломатические, познавательные и образовательные путешествия (в основном представлены в жанре путешествий);
- во-вторых, хождением в поисках счастья (нашло отражение в фольклорных произведениях (сказки, песни), в художественной литературе (например, в повести Ш. Камала «Акчарлактар»));
- в-третьих, она связана с духовным составляющим этого феномена, закрепленной религиозной традицией, паломничеством, коим является ключевой пятый столп Ислама – совершение хадж, который в переводе с арабского означает «стремление, намерение или стремление к прославленному» и «возвращение, возобновление» (представлены в описаниях паломничества, в так называемых «хаджнам»);
- в-четвертых, на татарскую классическую культуру имели свое влияние суфийские традиции. В художественной литературе они часто обнаруживаются на уровне образных систем, символов, условно-метафорического языка. Также, как утверждает Н. М. Юсупова, «в суфийской поэзии имеет место быть аскетизм, отшельничество, то есть отказ от мирских благ, удовольствий, жертвенность по отношению в познании Аллаха» [6, б. 33]. Забегая вперед, отметим, что такие характерные формы суфизма, особенно в его ранней стадии, как аскетические практики и индивидуальный духовный опыт, стали доминирующим мотивом в повествовательной структуре прозы М. Юныса.

Актуализация страннического мотива в творчестве М. Юныса во многом связана с эпохой оттепели, которая подготовила благоприятную почву для обновления национального дискурса в национальных литературах Советского периода. Странничество М. Юныса, в отличие от вышеперечисленных его источников, в том числе выражает самостоятельную оригинальную форму идентичности личности. Выбирая странничество как коммуникативную стратегию и реализуя ее, М. Юныс в своей прозе последовательно реабилитирует традицию национальной идентичности, возвращает в литературу тему миграции родного народа.

Еще в первом рассказе «Безнең өй өянкеләр астында иде» («Наш дом был под ивами»), написанном в 1964 году, М. Юныс предвосхищает страннический мотив своего творчества, беря за основу хронотоп встречи на кладбище – на месте, где «встречаются» живые и мертвые. Содержательная сторона странничества означает «уход» из одного мира в другой. Автор намекает на то, что живой человек всегда находится в движении и в поиске своей идентичности. Таков единый герой всех романов и повестей М. Юныса Габдрахман Рахманкулов. Трилогия «Наука странствий», роман «Кипчакская дочь», повесть «Найти и потерять», рассказы «Наш дом был под ивами», «Праздник» начинаются хронотопом пути, и сюжетом становится странствие героя. Примечательно, кстати, что фамилия Рахманкулов дублирует смысл имени Габдрахман, что в переводе с арабского означает «раб Аллаха» (слово «рахман» является одним из имен Аллаха), и это с одной стороны характеризует героя, в то же время отсылает читателя к суфийским традициям.

В трилогии «Дөнья гизү» (по авторскому переводу название книги – «Наука странствий», 1977-1984), в романе «Кыпчак кызы» («Кипчакская дочь», 2004-2014) герой М. Юныса Габдрахман Рахманкулов рефлектирует и анализирует свое странническое мироповедение.

Для названия частей трилогии автор обращается к таким мощным символам, как «ветер» и «буря». Первая часть называется – «Соленый ветер», вторая – «Долгожданная буря». М. Юныс, несомненно, эксплуатирует потенциал литературных универсалий ветра и бури. Например, символ «ветра», означающий свободу, волю, время, движение, в XX столетии представляется как «мощный символ изменений, непостоянства, пустого бахвальства и эфемерности» [11, с. 4]. В контексте со словом «соленый» символ означает перемены, связанные с морем. «Буря» в мировой литературе часто символизирует одновременно разрушительную и созидательную силу и как метафора здесь указывает на духовные искания героя, чаще всего он оказывается борцом [Там же]. В трилогии эти символы указывают на альтернативную традицию протеста или борьбы культурного героя в условиях идеологического дискурса. Поэтому если духовная сторона странничества подразумевает уход из мира, то в светском понимании оно отождествляется с уходом из империи. В отличие от русского скитальчества, у которого наблюдается корреляция с аспектом страдания и смещение в сторону романтических традиций (например, в творчестве Н. Некрасова, М. Горького), мотив странничества М. Юныса выражает путь поиска авторской идентификации. Эта мысль подтверждается также в третьей части трилогии, которая называется «Танда Босфор аша» («На заре через Босфор»). Босфор – это пролив между Европой и Азией, он считается самым узким на планете. Неслучайно автор обращается к топониму, вкладывая в него символический смысл. В тексте Юныса Босфор используется в качестве топоса как «место разворачивания смыслов» и означает некий рубеж личностных исканий героя. Волею судеб в первый раз Рахманкулову приходится пройти через Босфор в качестве рулевого на грузовом корабле. Именно здесь ему приходит

понимание того, что выбранный им путь мореходства оказался самым правильным: «Мин сэхэттэн кайтып килэм. Хэзер мин – Истанбул каласын күргэн кеше. Мин күргэнне беркем тартып ала алмый. Хэтергэ сеңеп калганны беркем беричек үзгэртэ алмый. Күңелдә ихтирамга охшашлы татлы бер тойгы» [14, б. 505]. / «Я возвращаюсь из путешествия. Теперь я человек, видевший город Стамбул. То, что я видел, никто не может отнять. То, что осталось в моей памяти, никто не в силах изменить. В душе сладкое ощущение, похожее на уважение» (здесь и далее перевод автора статьи. – Л. Ф.).

В «Науке странствий» Габдрахман Рахманкулов, будучи отличником-студентом филологического факультета Московского государственного университета, неожиданно для всех принимает решение уйти в мореходство.

В эпизоде прощания с однокурсниками узбек Уметгали в размышлениях указывает Рахманкулову на один из источников его страннического мироповедения.

«Исеңдәме, Габдрахман, мине Шәрекеь йолаларын саклаучы суфи дип үртәвен? Син үзен бабаларыңның күчмәлек гадәтнән арынып житмәгәнсең әле, – диде Өметгали.

– Минем бабаларым атларына тапталмаган яшел болынар эзләп күчеп йөргәннәр. Мин саф хава, иркен сулыш эзим. Иркен сулыш һәм ирек» [Там же, б. 64]. / «Помнишь, Габдрахман, ты меня поддразнивал, что я хранитель-суфий восточных традиций? Ты сам еще не преодолел кочевнические привычки своих прадедов, – сказал Уметгали.

– Мои прадеды кочевали в поиске свежих зеленых лугов для своих табунов. Я же ищу свежий воздух, чтобы дышать в полную грудь. И свободу».

Или же Рахманкулов сравнивает себя с одним из односельчан, который тоже любил путешествовать. В отличие от других односельчан, которые вынуждены были уходить на подработки на Урал, Сибирь и Донбасс и, заработав достаточно денег, чтобы отремонтировать и обновить хозяйство, возвращались на родину, сосед Рахманкулова Закиулла абый мечтал увидеть край света.

«Бәлки, мин дә, Зәкиулла абый шикелле, төпләнеп яшәү авырлыгынан куркып, “пүчтәк эш” артыннан гына йөри торганмындыр?» [Там же, б. 78]. / «Возможно, я тоже, как Закиулла абый, избегаю трудностей оседлого образа жизни и гоняюсь за “пустяковой работой”?».

Эти эпизоды демонстрируют, что странничество, хотя и имеет широкое распространение у народа, не вписывается в этическую программу татарской деревни. Подчеркивается, что общество, с которым идентифицирует себя герой, одобряет только временное странничество, имеющее определенно четкую цель: обеспечивает свежими лугами или материальным достатком. Эта существенная особенность татарской культуры, которая оказала воздействие на ментальность народа, становится причиной душевных колебаний Рахманкулова. Амбивалентность его внутренних переживаний – постоянное стремление уйти из дома и в то же время сильная привязанность к малой родине и нравственная ответственность, отягощенная чувством вины, формирует источник экзистенциальной тоски и обуславливает мотив возвращения блудного сына. В «Науке странствий», в романе «Кипчакская дочь», в повести «Найти и потерять» М. Юныс создает сакральный образ малой родины, где его герой Рахманкулов существует, с одной стороны, как индивидуальная личность, с другой – его образ приобретает метафизический характер. В метафизическом плане это возвращение к матери и на малую родину подлечит мотиву возвращения и повторяет известную архетипическую схему. Мотив возвращения, коррелируя с мотивом странничества, образует цикличность самоидентификации героя Юныса. Архетипическая схема (уход – испытание – возвращение) впоследствии раскрывает и актуализирует новую модель мироповедения в характере Рахманкулова. Природа его странничества в процессе рефлексии видоизменяется, и он обнаруживает истину, к которой стремился. Это – служение народу посредством ума и пера.

Во второй части трилогии Юныс дает иллюстрацию своего странничества интертекстуальными включениями, апеллируя к творчеству Ш. Бодлера. Творчество французского поэта, критика и эссеиста Шарля Бодлера известно как завершающий этап эпохи романтизма и предвестник эстетики декаданса и символизма. Автор использовал его аллегорическое стихотворение «Плаванье» в переводе М. Цветаевой, которое критики анализируют как «романтическую “одиссею”, потерявшую цель, запутавшуюся и заблудившуюся, а “пловца” – как последнего романтика» [7].

«Что нас толкает в путь? Тех – ненависть к отчизне,
Тех – скука очага, еще иных – в тени
Цирцеиных ресниц оставивших полжизни –
Надежда отстоять оставшиеся дни.
В Цирцеиных садах дабы не стать скотами,
Плывут, плывут, плывут в оцепененье чувств,
Пока ожоги льдов и солнц отвесных пламя
Не вытравят следов волшебницыных уст» [1, с. 211].

Однако автор подчеркивает, что не идентифицирует себя с «героем-романтиком», используя стихотворение «Плаванье» больше для того, чтобы охарактеризовать своего знакомого Феликса. Себе же он «применяет» стихотворение Бодлера «Альбатрос», отметив его как «любимое». Неслучайно Миргазиян Юныс обращается именно к этому стихотворению, где есть строфа о поэте:

«Поэт, вот образ твой! Ты также без усилия
Летаешь в облаках, средь молний и громов,

Но исполинские тебе мешают крылья
Внизу ходить, в толпе, среди шиканья глупцов» [14, б. 191].

Включая стихотворение Бодлера как цитату-заместителя в свой текст, автор оправдывает отчуждение своего героя от социума. Спустя много лет после трилогии, в 2002 году, Юныс выпустит книгу, посвященную национальной публицистике, под названием «Альбатрос язымышы» («Судьба альбатроса»), последовательно используя символическую нагрузку образа. В образ «поэта» М. Юныс явно вкладывает более широкий смысл, для него «поэт» в известном смысле «больше, чем поэт», а в тексте нации как в метанарративе образ поэта выступает как транслятор совести народа. Например, в романе «Кипчакская дочь» (2004-2014) автор четко обозначает предназначение национального писателя (литератора):

«Синең милли әдип булуың ул язучылык һөнәре генә түгел. Ул синең эчке вәжданың, яшәү намусың. Ул синең халык тамырлары белән бергә тоташуың, фажигале милләт аһәнен бер генә мизгелгә дә йөрәгенән жуймый жаныңда йөртүең, милләт язмышы синең изге вазифаңа, синең яшәү мәгънәсенә, синең үз язмышыңа әверелү!»

Бер Аллаң, газиз анаң хуплаган, сине милләт хадиме дәрәжәсенә күтәргән бу олы мәхәббәттән дә зуррак мәхәббәтнең булуы мөмкинме?» [15, б. 297]. / «То, что ты национальный литератор, – это не только профессия. Это твоя внутренняя честь, совесть твоего существования. Это твое приращение к корням народа, это значит нести зов национальной травмы, не забывая ни на одно мгновение в себе, это превращение судьбы народа в твоё предназначение, в твою собственную судьбу.

Может ли быть еще большей любовь, которую благословлял Аллах и единственная мать?».

Таким образом, в романе «Кипчакская дочь» М. Юныс, реализуя мотив странничества, осуществляет главную идею своего творчества – жертвенную любовь к родному народу. Идея служения народу, восходящая к татарской литературе начала XX века, звучала лейтмотивом в поэзии Г. Тукая, в творчестве Г. Исхакия и у других видных представителей литературы данного периода. Как утверждает Р. К. Ганиева, «Г. Тукай творчески интерпретирует концепцию любви к Аллаху, принадлежавшую суфийской философии: он ее направляет к утверждению идеалов просвещения, которые были весьма актуальны в татарской культуре в начале XX века. По мнению поэта, служение своему народу равносильно любви к Аллаху и выполнению заветов его пророка Мухаммада» [3, б. 7].

Следует отметить, что роман «Кипчакская дочь» является завершающим в творчестве М. Юныса, он увидел свет только после его смерти. Хотя роман остался незаконченным самим автором, в нем обнаруживается трансформация страннических поисков в обретение смысла жизни Габдрахманом Рахманкуловым. Смыслом своей жизни он называет любовь к народу, ее он ставит выше личного счастья. Этот его выбор, согласно экзистенциальной эстетике, не продиктован пограничной ситуацией, а определяется сущностью его творческой природы. Во имя служения своему народу в качестве писателя Рахманкулов отказывается от любви к украинке Оксане Яременко. В историческом срезе герой М. Юныса имеет фактические возможности оправдать свою любовь к украинской девушке, обнаруживая общие кипчакские корни татарского и украинского народов. Но мессианский характер выбранного пути не допускает компромиссных решений. Автор четко обозначает окончательное решение Рахманкулова:

«Нинди авыр булмасын, бәгырьне ничек әрнетмәсен, халык язмышы белән тәңгәл килеп бетмәгән шәхси мәхәббәттән, иртәме-сонмы, ваз кичү кирәклегең Габдрахман бөтен күнел кыллары белән сизенә иде» [15, б. 298]. / «Как бы ни было тяжело, какой бы горечью ни обжигало душу, Габдрахман всеми струнами души чувствовал, что рано или поздно придется отказаться от личной любви, которая не сплелась с судьбой народа».

Актуализация мессианской мифологемы в творчестве М. Юныса обусловлена эсхатологическим мифом, укоренившимся еще в начале XX века. Апокалиптические настроения об исчезновении с лица земли татарского народа в начале XX века определили антиутопический дискурс в художественной литературе (например, антиутопия Г. Исхакия «Исчезновение через двести лет» (1902-1904)). У Юныса же тень эсхатологического мифа находит выражение в синтезе документального и художественного жанров. Присущий его прозе автобиографизм является существенной подоплекой в создании имагологического портрета образа Своего. Неудивительно, что в зрелые годы автор отдает предпочтение в своем творчестве публицистическим жанрам.

Примечательно, что мессианский мотив в прозе М. Юныса актуализируется в период оттепели и во время распада Советского Союза, то есть в переходные эпохи страны. Культурологи считают, что в переходные эпохи активизируется национальное самосознание как у интеллектуалов нации, так и массы в целом. Как утверждают отечественные литературоведы [2; 3; 5], в период оттепели в татарской литературе происходит возрождение национальной тематики. Также на стыке XX и XXI веков наряду с произведениями преодоления социалистического реализма одновременно реализуется переосмысление тоталитарного режима и поднимается национальная проблематика.

Таким образом, художественная репрезентация мотива странничества в тексте М. Юныса выполняет, в первую очередь, стратегическую и структурообразующую функцию повествования. Его странничество, характеризующееся как уход из империи, актуализирует альтернативную традицию протеста в условиях идеологического дискурса советского периода. Реализуя страннический мотив в своей прозе, автор реабилитирует национальный дискурс, определяя в нем место «писателя-личности» как центральное, более того, наделяя фигуру писателя аскетическими и мессианскими качествами. Природа его странничества в процессе рефлексии видоизменяется, и он обнаруживает истину, к которой стремился.

Список источников

1. **Бодлер Ш.** Цветы зла: сборник, художественная литература / изд. подг. Н. И. Балашов, И. С. Поступальский. М.: Наука, 1970. 481 с.
2. **Галиуллин Т. Н.** Яктылык: әдәби тәнкыйть мәкаләләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 319 б.
3. **Ганиева Р. К.** Шагыйрьнең рухи дөньясы. Казан: ТаРИХ, 2002. 7 б.
4. **Гачев Г. Д.** Национальные образы мира. Евразия: космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИДИК, 1999. 368 с.
5. **Загидуллина Д. Ф.** Современная татарская проза (1986-2016 гг.): основные тенденции историко-литературного процесса. Казань: Изд-во АН РТ, 2017. 246 с.
6. **Йосыпова Н. М.** XX гасыр татар шигъриятедә символлар. Казан: Казан университеты, 2011. 120 б.
7. **Максимова Т. М.** «Стихотворения в прозе» Шарля Бодлера. Поэтика жанра [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/stikhotvoreniya-v-proze-sharlya-bodlera-poetika-zhanra> (дата обращения: 24.02.2019).
8. **Папилова Е. В.** Имагология как гуманитарная дисциплина [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-gumanitarnaya-distiplina> (дата обращения: 24.02.2019).
9. **Попова М. К., Бороздина П. А., Тернова Т. А.** Национальная ментальность и национальные литературы в (пост)имперскую эпоху. Воронеж: ВГУ, 2006. 176 с.
10. **Татар сәяхәтнамәләре** / кит. төз., текст., иск. һәм аңлат. әзерл.; кереш сүз авт. Ә. Алиева. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 431 б.
11. **Тимофеев М. Ю.** Нациосфера: опыт анализа семиосферы наций. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2005. 279 с.
12. **Тресиддер Дж.** Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
13. **Фаленкова Е. В.** Феномен странничества в русской культуре: на материале творчества Л. Н. Толстого [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/fenomen-strannichestva-v-russkoi-kulture#ixzz5gMoAd3Th> (дата обращения: 28.02.2019).
14. **Юныс М. З.** Дөнья гизү: трилогия. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. 576 б.
15. **Юныс М. З.** Кыпчак кызы: проза, публицистика. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. 479 б.

Artistic Representation of Pilgrimage Motive in M. Yunys's Prose**Faezova Landysh Robertovna***Kazan (Volga Region) Federal University
abudarova80@mail.ru*

The article examines mechanisms of representing the pilgrimage motive in M. Yunys's prose. Choosing pilgrimage as a communicative strategy, M. Yunys consistently rehabilitates the tradition of national identity. His pilgrimage, conventionally considered as escape from the empire, actualizes an alternative tradition of protest within the framework of the Soviet ideological discourse. Implementing the pilgrimage motive, the author reveals the key conception of his creative work – sacrificial love for his people continuing the tradition of the Tatar literature of the beginning of the XX century.

Key words and phrases: M. Yunys; pilgrimage motive; messianic motive; eschatological myth; Tatar literature; national mentality.

УДК 821.512.31

Дата поступления рукописи: 12.08.2019

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.1.16>

В статье тема памяти раскрыта на материале анализа пьес бурятского драматурга В. Басаа «Ямар удаан болообши даа» («Как долго тебя не было») и «Үнгэрхэн сагай хэбишээн» («Ветер минувших времен»), посвященных бурятской эмиграции в Китай и судьбе эмигранта Уржина Гармаева, ставшего генерал-лейтенантом Маньчжоу-Го. Автор утверждает, что обращение писателя В. Басаа к теме исторической памяти, новое осмысление национальной культуры, истории являются попыткой восстановить историческую справедливость, выстроить ее в процессе творческих поисков, заставить вспомнить о людях, канувших в небытие.

Ключевые слова и фразы: творчество В. Басаа; драма; тема памяти; история; историческая личность; бурятская эмиграция.

Халхарова Лариса Цымжитовна, к. филол. н., доцент*Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
larihah@yandex.ru***Тема исторической памяти в творчестве В. Басаа**

Новое осмысление исторического прошлого не только бурятского народа, но и всей истории монгольского мира привело к необходимости обращения в современной бурятской литературе к теме исторической памяти. Именно такой своеобразной постановкой проблематики выделяются романы В. Гармаева «Джамуха», А. Гагапова «Тэмуджин» о Джамухе и Чингисхане (Тэмуджин), знаковых фигурах монгольской истории, роман Ц. Цырендоржиева «Хододоо үдэр байдаггүй» («Не всегда бывает день»), написанные в последнее